

Нина Князькова

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПЧЕЛА

Май-плюс

Нина Князькова

Механическая пчела

«Автор»

2023

Князькова Н. Ю.

Механическая пчела / Н. Ю. Князькова — «Автор»,
2023 — (Май-плюс)

Максим привык изобретать что-то новое для жителей Мая и Березкино. Иногда он создавал новые лекарства, иногда материалы, иногда крохотных пчел и шмелей, так похожих на настоящих. Он привык к такой своей жизни, привык, что не все его эксперименты понимают местные жители, привык бояться Хозяина. Но все это было лишь до того времени, пока в Мае не появилась одна женщина, которая смогла удивить его. Восьмая книга серии «Май-плюс»!

© Князькова Н. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нина Князькова

Механическая пчела

Глава 1

Лири

Я медленно открыла глаза. Облизнула сухие губы и улыбнулась. Сегодня я не умерла. Хорошо. Хотя, я уже давно не боюсь смерти. Я боюсь боли и продолжения этой муки. Не для меня. Отец, так и не смирившийся с тем, что его дочь больна, каждую минуту изводил себя поиском лекарства для меня. Он давно продал свою успешную фирму, искал для меня врачей, возил по клиникам и странам. Но последняя стадия рака – это приговор. Он лишь отсрочил мою кончину, дал мне время закончить все дела. Вот и вчера меня привезли из больницы домой... умирать.

Первое, что меня удивило дома так это поведение отца. Он выглядел умиротворенным. Ходил по квартире, насвистывал веселую песню и переносил вещи из угла в угол.

– Доброе утро, – заглянул он ко мне в гостиную из кухни, когда услышал, как я зашевелилась.

– Доброе, – слабо улыбнулась я.

– Сейчас будет завтрак, – отец снова ушел на кухню, а через минуту вернулся с бутылочкой в руке. Что-то больше, чем питательную, смесь мой желудок уже отказывался принимать. – Давай-ка, я тебя накормлю и нам нужно поговорить.

Я вздохнула.

– Пап, только не надо меня снова пытаться вылечить, – я строго на него посмотрела. Сделать что-то большее мне мешала слабость.

– Пчелка моя, ну что ты. Больше никаких зарубежных светил медицины и старых безмозгих докторов наук, – как-то слишком радостно пропел он.

Я напрыглась еще больше.

– Па-ап, что ты задумал? – Я отвернулась от бутылочки, показывая, что он меня не сможет покормить, пока не расскажет в чем дело.

Он вздохнул и пригладил свои совершенно седые волосы.

– Мы с тобой уезжаем через два часа, – нехотя признался он.

Я поморщилась. Опять? Снова куда-то ехать? Снова пытаться вдохнуть жизнь в мое измученное почти мертвое тело? Зачем? Для чего?

Пока я задавалась этими вопросами, отец меня покормил и поменял белье. Убрав всё за мной, он снова сел рядом.

– И куда мы едем? – Сил, чтобы спорить, у меня не было. Если я хочу узнать информацию, то лишних вопросов задавать нет никакого смысла.

– В город Май, – ласково улыбнулся он усталой улыбкой.

Я удивилась. Что-то я ни разу не слышала про город с таким названием.

– Далеко? – Забеспокоилась я.

– Два дня пути на машине, – отец оглядел гостиную. – Я собрал необходимые вещи, купил подходящую машину для того, чтобы тебе было комфортно ехать. Не переживай. Я все предусмотрел.

– И кто с нами поедет? – Я недоверчиво на него посмотрела. Кто-то же должен будет сменить его в пути.

– Никто. Ты не переживай. Я забронировал место в гостинице и нам будет, где отдохнуть. Там все предусмотрено для каталок и прочего, я проверил, – он потрепал меня по руке. – Сейчас я твои лекарства упакую и можем ехать.

– Пап, я не хочу, – я бессильно захныкала.

– Пчелка моя, я очень тебя прошу. Ради меня. Одна поездка и всё. Я больше никуда тебя не повезу. Если эти люди скажут мне, что ты безнадежна..., – он украдкой вытер слезу и отвернулся.

– Там хотя бы красиво? – Смирилась я.

– Там горы, – кивнул он и поцеловал меня в щеку. – Набирайся сил, они нам понадобятся.

Горы? Что ж, хот бы умру я в красивом месте. И буду лежать на каком-нибудь склоне-кладбище и слышать пение птиц каждую весну. А с гор наверняка побегут ручьи....

Я следила за тем, как папа носится по комнате, и старалась смириться с тем, что я больше совсем ничего не могу. Даже сопротивляться лечению. Проще просто согласиться, чтобы меня перестали уговаривать. И не то, чтобы отец был каким-то плохим. Нет. Но мама моя умерла, когда мне еще и десяти лет не было. Отец воспитывал меня в одиночку, дал хорошее образование, много работал, чтобы я ни в чем не нуждалась. Я и не нуждалась.

Папа дал мне все, что может дать хороший отец в этом мире. Кроме... красоты и здоровья. Если честно, то до болезни я была той еще.... Нет, не толстушкой. Скорее, весьма упитанной тяжеловесной дамой в основательных роговых очках, которые служили мне больше антуражем. И работала я в собственной адвокатской фирме, которая выиграла немало дел и имела соответствующую репутацию. Сейчас компания была успешно продана моему бывшему заместителю, а мне лишь оставалось надеяться, что мои бывшие сотрудники не посрамят мое имя.

Да, еще три года назад я была хорошим юристом, сейчас же я умираю, умираю долго и нудно, заставляя этим страдать все мое окружение. Хорошо умирать, когда тебе девяносто, когда все твои мирские дела закончены. Плохо делать это в сорок три, когда ты всю жизнь потратила на карьеру, и даже матерью стать не смогла. Не то, чтобы я не пыталась. Были у меня романы. Да, внешность у меня всегда была не очень изящная, но я старалась брать умом и эрудицией. И деньгами тоже. Но первое же серьезное обследование показало, что детей иметь я никогда не буду, а брать себе ребенка со стороны.... Нет, к этому я оказалась тоже не готова. Наверное, я потому и ушла с головой в свою любимую работу.

– Готова? – Отец вошел в гостиную уже полностью одетый.

– Что-то я не очень хочу ехать, – поделилась с ним здоровой мыслью.

– Это потому, что погода на улице стоит пасмурная. Но как только выйдет солнышко, тебе сразу станет веселее, – папа в такие минуты старался разговаривать со мной, как с ребенком.

Так, приговаривая, он полностью одел меня, погрузил на кресло-каталку и повез прочь из квартиры, которую я последние два с половиной года считала своим домом. У меня почему-то возникло ощущение, что я сюда больше никогда не вернусь. Ну да, времени у меня совсем не осталось.

Машина оказалась потрепанным микроавтобусом, внутри которого была приварена конструкция, по виду напоминающая больничную кровать.

– Пап? – Занервничала я.

– Всё хорошо. Я сам все проверил. Тут есть ремни, они тебя будут держать, – он с энтузиазмом принялся за мое перемещение. Мне оставалось только стоически терпеть, потому что любое перемещение моего тела отдавало повсеместной тупой болью. Я к ней привыкла. Наверное. – Сейчас поставим тебе укол и поедem, – отец склонился надо мной, чтобы перехватить мое истощенное тело ремнями.

– Я потерплю, – сжала зубы.

– Незачем, – покачал он головой. – Скоро все закончится.

Я только грустно усмехнулась. Да, скоро все закончится. Вот только этот укол не только снимал боль, он туманил разум и... как будто отбирал у меня то самое оставшееся время, которое я могла потратить на что-то другое. На разговоры с отцом, на мысли, на возможность послушать аудиокниги. Или даже на борьбу с выматывающей постоянной болью. Именно она не давала мне забыть, что я все еще жива и мыслю.

– Ты как? – Папа убрал шприц и расправил рукав моей кофты.

– Нормально, – я снова облизала пересохшие губы. – Ты только не беспокойся, – слабо улыбнулась ему.

Он только тяжело вздохнул и перелез на водительское сиденье и завел машину. Что ж, наверное, это хорошо, если я просплю большую часть нашего пути. Уже проваливаясь в забытие, я загадала маленькое желание. Если уж я буду умирать не дома, то хочу сделать это в красивом месте.

Я пришла в себя от того, что машина остановилась. Кажется, какая-то заправка. За окном уже собирались сумерки, а это значило, что проехали мы немало. Папа вышел из машины, а я пыталась рассмотреть хоть что-то на улице. Кроме света фонарей и здания заправки ничего не увидела. Ну, еще шум проезжающих по дороге машин уловила.

Папа вернулся в машину, отогнал ее на парковку рядом и перелез ко мне с бутылочкой в руках.

– Вот, тебе надо поесть, – сказал он, увидев, что я не сплю.

Я кивнула.

– Хорошо, – на самом деле есть мне не хотелось. Ничего не хотелось. Тело было тяжелым и неповоротливым, несмотря на то что от прежней меня остались только кожа да кости. – Пап, а что это за Май такой? Откуда ты про него узнал? – Вдруг назрел у меня вопрос. Все-таки я стала очень уж тугодумной, голова едва могла соображать.

Папа улыбнулся.

– Валерку помнишь? Соседа нашего, – он указал рукой на глаза. Я кивнула. Слепота психолога Валерия Семеновича я знала довольно хорошо. Именно он мне помог, когда казалось, что легче сдаться. А так... я хотя бы боролась. – Я видел его полтора месяца назад. Он выздоровел.

– Что? – Выпучила я глаза. Этого просто не может быть. Я-то знаю, что он тоже был болен. – Как?

Папа разволновался.

– Он приезжал домой за какими-то вещами. Я встретил его, и он шел без своей трости. Я даже глазам своим не поверил. Он меня прекрасно видел, хотя до этого я сам отвозил его в аэропорт, и он был незрячим, – он убрал пустую бутылку в сторону и дал мне воды. – Когда я его спросил, что случилось, он ответил, что его вылечила его невеста. И они сейчас живут в том самом месте, где есть такая медицина.

– Быть этого не может, – я все еще находилась под впечатлением.

– Может. Но адрес он наотрез отказался мне давать. Но тут помог случай. Я встретил его невесту через день и ее сопровождал парень, который дал мне визитку. На ней были указаны координаты. Вот туда мы сейчас и едем, – отец посмотрел в окно и снова повернулся ко мне.

– Координаты? – Удивилась я. – Не адрес?

– Это место засекречено, – отец подмигнул мне одним глазом и полез за руль.

– Пап, – запаниковала я. – А если это ловушка какая-то? Если там... ну, нет ничего?

– Я поискал кое-какую информацию по своим каналам. В этом месте находится военная часть по документам, но на самом деле там расположен город Май, где находится большое предприятие, производящее растительные полезные добавки, – он мягко вывел машину с парковки, чтобы меня лишний раз не тревожить. – А еще я совершенно точно узнал, что директор одной фармацевтической компании активно сотрудничает с ними. По обрывочным

данным и одному закрытому чату я понял, что где-то там лечат детей и взрослых от неизлечимых болезней. Но на самом деле я бы не поверил во все это и считал бы байками, если бы сам своими глазами не увидел Валерку Совушкина абсолютно здоровым.

Я тихо хмыкнула. Теперь понятно, что так воодушевило отца. Если бы я сама увидела здорового Валерия Семеновича, то совершенно точно глазам бы своим не поверила. Теперь даже мне стало интересно, существует ли такое место.

– Что ж такое? – Из дремы меня вывел голос отца, который резко остановил машину.

– Что случилось? – Прохрипела, повернув голову. Что-то тело совсем не слушалось. Наверное, надо бы как-то выбираться из этой кровати и хоть чуть-чуть размять остатки организма.

– Кажется, наша гостиница горит, – вздохнул отец и увел машину на обочину.

– Что? – Я попыталась приподняться на руках, но ремни мешали, да и силы в руках уже никакой не осталось.

– Вон, тушат, – я заметила, как мимо нас проехала пожарная машина. – Да, не подумал я о такой перспективе, – вздохнул он.

– И что же теперь делать? – Запаниковала я.

– Сейчас я посмотрю, может быть тут рядом есть еще хоть что-то подобное, – он полез в телефон.

Через десять минут выяснилось, что более в округе просто ничего нет.

– И что будем делать? – Спросила я, глядя на осунувшееся лицо отца.

– Поедем дальше, – расстроенно вздохнул он. – В пятидесяти километрах отсюда есть парковка. Там я смогу хотя бы тебя переодеть и растереть мышцы.

Я ничего не сказала в ответ. Просто бессильно расплакалась. Еще и живот заболел от переживаний. Хотя, у меня и без них все болит. Господи, ну зачем мы куда-то поехали?

Парковка через пятьдесят километров оказалась вся забита большегрузами. Места на ней не было вообще. Мы опоздали. Отец поехал дальше, хотя я видела, насколько сильно он устал. Заехав в небольшой поселок, он остановил машину на площадке рядом с уже закрывшимся магазином.

– Переночуем в машине, а утром поедem в Май, – выдохнул он и посмотрел на меня. – Ты как?

– Терпимо.

На самом деле мне было больно. И плохо. Тело ломило от тупой боли после такой дороги и от долгой обездвиженности. Надо потерпеть. Нельзя сейчас сдаваться, отцу и так плохо.

Вместо того, чтобы отдыхать, папа занялся мной. Растирал мышцы, переодевал, уговаривал поесть. Я старалась терпеть и не стонать от боли и безысходности. Силы лучше поберечь. Не знаю, сколько нам еще выпадет в этой дороге, но судя по тому, как мы начали, в конце пути нас ждет совершенно пустое место без признаков жизни.

Накормив меня, папа снова сделал укол, после чего я провалилась в блаженный сон без сновидений.

Проснулась я только утром. Машина уже мчалась по трассе, а я совершенно не помнила, чтобы отец отдыхал.

– Мы снова едем? – Спросила я, когда поняла, что двигаемся мы уже давно.

– Да. Ночью не спалось, решил, что за рулем будет лучше, – отец чуть притормозил и оглянулся. – Ты не переживай. Уже через три часа мы будем на месте.

Он что, вообще не спал? Я недовольно поджала губы.

– Пап, тебе надо отдохнуть, – решила я проявить твердость.

– Лира, я обещаю, что отдохну, как только мы доедем. Обещаю тебе. Вот на руки врачам тебя передам и сразу отдыхать, – в его голосе послышалась улыбка.

– Не умеешь ты врать, – скривилась я.

– Пчелка, ну в самом деле, мы уже проехали областной центр. Сейчас несколько поселков проедем и будем на месте. Ну чего ты? – Он обернулся на секунду от дороги и подмигнул мне.

Я вздохнула. Ладно, три часа не такая уж и большая проблема. Я готова потерпеть. Но хватит ли сил у отца? Он достаточно пожилой человек, чтобы выдерживать такие запредельные нагрузки.

Через два часа я совсем измаялась. Лежать уже было очень тяжело, кости буквально ломило. Я попыталась незаметно передвинуться, но замерла, переживая что-то вроде судороги в правой ноге.

– Больно? Давай я тут приторможу..., – отец обернулся буквально на секунду, но этого хватило, чтобы машина во что-то ударилась, меня отбросило и полоснуло по руке острой болью.

Да, наверное, так эта поездка и должна была закончиться.

– Пап, – прошептала, пытаясь хоть что-то разглядеть, но сознание слишком быстро покинуло меня.

Глава 2

Максим

Я скрупулезно паял крохотные лапки к корпусу. Ну вот, еще одна пчела готова к работе. Вера Родионовна, склонив голову над столом, паяла крохотных бабочек, работа над которыми мне нравилась куда меньше. В пчелу можно было напихать кучу датчиков, в то время как большую площадь бабочки занимали почти бесполезные крылья-аккумуляторы.

– В двадцать третью теплицу опылители готовы, – жена Хозяина отодвинула от себя коробку, куда мы рядами складывали получившиеся образцы.

– Осталось поле за Березкино и два сада, – я припаял на лапки почти невесомые датчики и выключил паяльник.

– Макс, а ты смог полностью восстановить формулу нашего безвредного лекарства от всех болезней? – Вера Родионовна поднялась со стула и выглянула в окно, где должны были гулять Белла Устиновна с Мартой Мироновной. Они уже почти час катали коляски с детьми по территории санатория. С третьего этажа нового здания, где сейчас располагалась моя лаборатория, участок для прогулок и озеро были как на ладони.

– Да. Один образец отправил Зое. Она подтвердила свойства. Можно разворачивать производство, – кивнул я, пряча взгляд.

– И ты больше ни над чем не работал? – Не поверила Хозяйка Мая.

– Работал, – врать смысла не было. – Но над проверенным средством для безвредного ускорения роста растений. Я сейчас только и делаю, что восстанавливаю утраченные образцы препаратов.

– Не ворчи, – отмахнулась эта невероятная женщина. – Зато у тебя теперь не ангар с опытами, а нормальное здание. Коля на первом этаже даже оборудовал клинический комплекс для пациентов. Теперь всех взрослых можно сразу к тебе сюда везти на опыты, – хихикнула она. – Смотри, как удобно. А на втором этаже у тебя нормальная квартира для проживания получилась. Кстати, почему ты выбрал второй этаж для проживания, а не третий?

Я почесал за ухом.

– Предпочитаю жить на работе. Мне нужно, чтобы я всегда мог быстро добраться до лаборатории и до пациента, – пожал плечами.

– И о домике у озера ты и слышать не хочешь, – Вера Родионовна печально покачала головой.

– А что мне в нем делать? – Вскинул я брови.

Она в ответ только усмехнулась и полезла в карман за зазвонившим телефоном.

– Аким? – Удивилась она, посмотрев на экран. – Что случилось? – Поднесла она трубку к уху.

Я своим отменным слухом уловил срывающийся голос Градова.

– ... авария на повороте у Малой. Я всем ввел противошоковое, но машина у меня не резиновая. Тут семья с детьми. Я их в Березкино сейчас отвезу. Остальных куда? – Голос его звучал весьма растерянно.

– О, господи. Сколько там еще? – Вера Родионовна схватила со стула сумку.

– Двое. Тяжелые, – отрывисто сообщил он.

– Сейчас вертолет за ними прилетит. Ты вези детей к Зое, – бросила она в трубку и набрала чей-то номер. – Антон, вертолет через пять минут. Вы с Максом вылетаете к Малой. Я потом к вам Клавдию отправлю.

Я тоже вскочил на ноги. Через пять минут? Нужно же все собрать! Бросился в соседнее помещение, нашел экстренный чемоданчик, набросал туда «реанимации» на двоих и выскочил

в коридор. Вера Родионовна разговаривала по телефону с Хозяином, но увидев меня, поминала за собой.

– Ты сделай там всё, что можно, а я здесь все подготовлю, – похлопала она меня по плечу и отстала на первом этаже, чтобы приготовить палаты для первых пациентов.

Такая теперь была договоренность, что в санатории теперь будут лечить исключительно детей. Принимать роды, лечить взрослых и проводить эксперименты теперь можно будет только в моей лаборатории. Зое в Березкино остаются лишь пациенты по договорам и случайные люди, требующие экстренной помощи.

Антон ждал меня уже на вертолетной площадке, что не так давно была сделана буквально в пятидесяти метрах от здания моей лаборатории.

– Что там случилось? – Он дождался, когда я заберусь внутрь и пристегнусь, после чего запустил лопасти.

– Авария. На месте двое пострадавших. На вертолете быстрее всего до них добраться, – я судорожно выдохнул, когда вертолет оторвался от земли. Тяжело мне к этой штуке привыкнуть.

– Значит, полетим быстро, – кивнул Антон.

Летели мы, как сумасшедшие, по моему мнению. Антону бы поучиться у кого-нибудь нормальному пилотированию, потому что он только и делал, что то поднимал машину выше, то совсем снижал ее.

– Вижу машины, – наконец, машина начала ровное снижение к месту аварии.

Я кивнул. Тоже видел перевернутый набок микроавтобус и покореженную малолитражку, выброшенную на обочину. Вертолет пришлось садить в поле рядом. Хорошо, что снег уже сошел. Плохо, что грязь осталась.

– Здесь двое, – Антон первым добрался до машин и, напрягшись, вернул микроавтобус на колеса.

– Аккуратнее. Там люди, – я сильнее распахнул покореженную дверь и заглянул внутрь.

На полу машины лежала женщина. Тело было странно изогнуто, одна рука висела на каком-то подобии стропы, или ремня. Кисти на этой руке не было. Кажется, ее отрезало и переломало подобием кровати, которое теперь лежало кучей на переднем пассажирском сиденье. Ремень странным образом спасал женщину, пережав ей ток крови. Она была пока жива.

– Мужчина жив, – Антон возился с водителем машины, в то время как я накладывал нормальный жгут на руку женщины. – Но, кажется, что-то с сердцем. У тебя есть что-то для этого случая?

– Есть, – я нашел в чемоданчике поддерживающее и бросил Антону.

Сам же занялся пациенткой. Она явно была больна и до этого. Волос на ее голове не было, прикрывала макушку только мягкая вязаная шапочка. Щеки давно ввалились, кожа была бледно-желтой, мышцы отсутствовали, как класс.

– Откуда она здесь в таком состоянии? – Нахмурился я, ставя питательную капельницу женщине.

– Я знаю откуда. Это соседи Клавкиного Валерия Семеновича. Я этому мужчине визитку дал, когда он сказал, что его дочь больна, – спокойно отозвался Антон.

– Она на грани, – кивнул я, оценив ситуацию полностью. – Где же Клавка? – Я начал нервничать.

– Приедет через пять минут. Мы хоть и из Мая, но напрямую же летели, а она по дороге едет, пусть и из Березкино, – Антон выразительно на меня посмотрел и принялся вытаскивать мужчину из машины.

Клавдия действительно приехала на реанимобиле через пять минут, за ее машиной виднелся внедорожник Лохматова. Ясно, эти оборотни точно знают, что пациентов двое и надо все проконтролировать.

– Грузите, – распахнула Клавка двери и выкатила каталку.

Женщина, которую я поднял, почти ничего не весила и казалась очень хрупкой. Клавдия придерживала капельницу и помогла загрузить пациентку в машину в то время, как Антон помогал Ломатову устраивать ее отца в вертолете.

– Едем в Май, – распорядился я и махнул Антону, показывая, что одного человека я точно довезу, а его задача доставить менее тяжелого, но более опасного.

Клавдия кивнула и тронула машину.

– Она без руки останется? – Подруга, как всегда, отличалась крайней тактичностью.

– Кисть не пригодна для восстановления. Там не сшить никак, легче новую поставить, – пояснил я, стараясь не упустить ни одной детали.

Клава кивнула и замолчала на целую минуту.

– А она страшенькая какая-то, – наконец не выдержала оборотница.

– Она нормально выглядит для больного человека, – огрызнулся я, отчего-то разозлившись. – Как только поправится....

– Я не про это, – Клавка махнула рукой. – Я про черты лица. Красавицей она никогда в жизни не была. И посмотри сколько кожи у нее лишней. То есть....

– Клав, веди машину, – не выдержал я.

– Бу-бу-бу, – обиделась она и молчала до самого Мая. – А я отца ее по запаху узнала, – снова начала она разговор, едва мы въехали в город.

– И что? – Осведомился я.

– Валере будет приятно узнать, что они доехали до сюда живые. Это все же его соседи по подъезду, – пожала она плечами.

Я только вскинул брови, но промолчал, ожидая, когда мы просто доедем. Но информацию почему-то для себя отметил. Наверное, это как-то важно для лечения, иначе зачем я это все запоминаю?

Ворота к нашему приезду были открыты, а потому Клавдия остановила машину у самого здания лаборатории. К нам тут же подбежала Марта Мироновна.

– А где Вера Родионовна? – Я вышел из машины.

– Верочка с Алисой пациента увезли на рентген. Белла Устиновна всех наших детей собрала и ушла с ними в корпус санатория, – Марта Мироновна заглянула в машину. – Господи! Бедная, – оценила она количество работы.

Из здания выбежал Антон.

– Я помогу.

Совместными усилиями мы определили пациентку в реанимационную палату, где наличествовала вся возможная техника. Клавка тут же уехала домой, потому что долго без своего Валерия обходиться просто не могла.

– Тебе помочь? – Антон стоял в дверях палаты. Я помотал головой и кивнул на Марту Мироновну, которая уже двигала аппарат УЗИ к нужному месту. – Я подожду в коридоре, – он с нежностью посмотрел на жену и вышел.

Только после этого я смог раздеть женщину. Почему-то мне совсем не хотелось, чтобы ее без одежды видел кто-то из представителей мужского пола.

– Она в неплохом состоянии. Внутренние органы, конечно, повреждены, но шанс на выздоровление высокий, – после обследования женщины заявила Марта Мироновна. – Ты сам с основным лечением справишься? – Вскинула она бровь.

– Справлюсь, – ответил, вливая в капельницу поддерживающий препарат, который мы с Верой Родионовной смогли усовершенствовать еще год назад. – Если это обычный рак, то мы его вылечим.

– А руку? – Она осмотрела повреждения.

– Нужна операция, – поморщился я.

– Да, тут не восстановить, – она отошла к шкафу с медикаментами. – Я сейчас все зашью. Сможешь что-то придумать, чтобы... так все не осталось?

Я резко вскинул голову.

– Вы мне доверите такой эксперимент? – Не поверил я своим ушам.

– Как же она без кисти жить будет? – Жена Антона подготовила все для операции и набросила на себя защитную накидку. – Посвети мне.

Я внимательно следил за аккуратными стежками и запоминал порядок действий. Не то, чтобы я не умел оперировать, но поучиться лишний раз не мешало. Марта Мироновна все же была профессионалом своего дела, хоть и работала у нас обыкновенным педиатром. Каждый стежок, каждое движение было отточенным и спокойным. Она никуда не спешила, не нервничала, не пыталась что-то кому-то доказать. Просто делала свою работу.

– Наложить повязку, – наконец, она отодвинулась от оперируемой руки и посмотрела на время. – Мне пора идти. Справишься?

Я кивнул и принялся за работу, уже прикидывая, что смогу сделать. Наверное, придется ночь просидеть над чертежами, чтобы все работало так, как надо. От пациентки я отойти на это время не смогу, значит, придется принести все сюда и начать работу.

– Макс, – в просторную палату зашла Вера Родионовна, – как она?

– Стабильна, – я завязал узел на бинте и обрезал края. – Надо разобраться с кровью, на это уйдет пара часов.

– Разрешаю использовать экспериментальный препарат из растения Дья, – кивнула она, рассмотрев лежащую на кровати женщину. – Блин, надо какое-то название ему дать, а то неудобно как-то, – скривилась она.

– Дыйник? – Предложил я.

– Дыйсол? Дыйсин? Дыйканит? – Кажется, ни одно название ей не понравилось. – Ладно, у Вероники спрошу, у неё всегда куча вариантов. Или вообще, Фимку попросить? У него фантазия нормально работает. Может, «РастиДый»?

Я только усмехнулся. Вера Родионовна переписала в журнал данные с монитора, пока я расставлял лекарства по местам и убирал небольшой операционный столик, который стоял у кровати пациентки.

– Я буду разрабатывать протез, – кивнул я на забинтованную руку женщины.

Жена Хозяина кивнула.

– Другого я и не ожидала. Ах, да! Клим тут документы в машине нашел. Эту женщину зовут Пчелкина Лира Андреевна, ей сорок три года, не замужем, детей нет. Антон более детально изучит информацию и расскажет тебе всё остальное, – она положила журнал на место. – После того, как вколешь лекарство, опиши в журнале всю реакцию. Нам нужно знать все. И без меня больше ничего ей не коли, – приказала она.

– Хорошо, – кивнул я, уже проработав в голове весь механизм выздоровления пациентки.

Когда Вера Родионовна ушла, я отправил кровь на исследование и принес в палату ноутбук. Все же лучше все рассчитать в специальной программе. Наверное, можно будет несколько вариантов сделать, чтобы посмотреть, что подойдет точнее.

За этой работой меня застал вошедший в палату Хозяин. Я, почуяв его за мгновение до того, как он открыл дверь, вскочил на ноги и постарался удержать свое тело на месте. Никак не привыкну к этим волнам ужаса, захватывающим пространство вокруг него.

– В-веры Родионовны здесь нет, – выпалил.

Хозяин только хмыкнул.

– Я знаю. Она у Марты, – он подошел к лежащей на кровати женщине. – Не лечил еще? – Склонился он над ней.

– Нет, – я быстро помотал головой так, что чуть шею себе не открутил.

– Надо же, пока без сознания, они меня не боятся, – усмехнулся он.

– Они не могут, – развел я руками.

– Оно и понятно, – он отошел от кровати и подошел к столу, где я работал. – Рука?

– Вера Родионовна разрешила разработать, – оправдался я на такое обвинение.

– Много она тебе разрешает, – вздохнул он и повернулся ко мне. Я заставил себя стоять на месте, иначе просто убежал бы от ужаса. – Захару на создание отдашь. И никаких экспериментов. Мы не знаем этих людей, не знаем, останутся ли они здесь жить, не знаем, кто они такие и чего хотели, когда ехали сюда. Поэтому, когда пациентка проснется, ты должен позвать кого-то... более вменяемого.

– Я обязательно позову Алису или Марту Мироновну, – я тоже уже про это думал.

– Антона позовешь, если она проснется ночью. Незачем только что родивших женщин дергать, – Хозяин прищурился.

– Позову Антона, – вытянулся я в струнку.

Николай Николаевич хмыкнул и вышел из палаты. Я же медленно опустился на стул и рукавом вытер со лба холодный пот. Господи, да какого черта я так реагирую каждый раз. Наверное, это потому, что он может убить меня одним ударом. Я же еще не до конца отошел от прошлого раза.

В углу пропищал анализатор. Пришлось отвлечься и просмотреть данные. Да, это определенно рак. Не страшно. Сейчас поставлю капельницу и организм сам включится. А я пока другие параметры изучу.

– Привет, – отвлек меня новый гость в палате. Кажется, это место начинает превращаться в проходной двор.

Алиса, видимо, осталась сегодня на дежурстве, потому и появилась здесь с проверкой.

– Угу, – я влил препарат в физраствор и поставил среднюю скорость вливания. – Что-то снова случилось?

– Нет. Зашла сказать, что её отец, – она кивнула на пациентку, – сейчас спит. Проснется утром. Я велела медсестрам проверять его каждый час, и если что-то случится, они прибегут к тебе.

– Хорошо, – кивнул я и проверил показатели на мониторе. Пока организм этой Пчелкиной Лиры хорошо реагировал на вводимый аппарат. Надеюсь, что и в дальнейшем проблем не будет. – Это все? – Обернулся я к Алисе, которая так и осталась стоять в палате.

– Клавка сказала, что это соседи Валерия. Может быть, стоит его пригласить, когда они проснутся? Наверное, все же психологически легче перенести, когда в неизвестном месте есть хоть кто-то знакомый, – неуверенно сказала она.

Я вздохнул и пожал плечами.

– Я позвоню Клавке, когда пациентка начнет подавать хоть какие-то признаки жизни, согласился.

А какой у меня был выбор?

Когда Алиса ушла, я снова сел за работу. Нужно было продумать работу каждого механизма. Надо будет Захару позвонить, чтобы он разработал программу для механической кисти.

О, кстати! Я поднялся с места и отправился рассматривать неповрежденную руку. И как я раньше не додумался ее измерить? Блин, теперь все параметры надо будет менять. Но это не страшно, потому что программа сама все посчитает.

Подумав, я покосился на механическую пчелу, которая лежала здесь на подоконнике. Наверное, Вера Родионовна оставила. Лапки, крылья, глазки-камеры. Все было как бы списано

с нормальной пчелы. И летали они примерно так же, и скорость была той же. Я перевел взгляд на чертеж. Ведь здесь надо будет сделать то же самое. Нужно практически создать прототип живой плоти. Ладно, и не такое приходилось рассчитывать.

Глава 3

Ли́ра

Мне снилась какая-то несусветная муть. Меня то периодически куда-то несли, потом везли, потом мне было страшно, но я даже пошевелиться не могла. При этом я совершенно не чувствовала боли. Это было так странно, что я проснулась. Вот только глаза открыть не смогла, потому что на лице была какая-то повязка.

– Что ты с ней сделал? – Услышала я голос откуда-то справа.

– Клав, ну чего ты как... Ничего я с ней не делал, – отозвался совершенно точно мужской тембр. Меня абсолютно точно обсуждали мужчина и женщина.

– А чего она уже неделю целую спит? – Спросил третий голос... смутно знакомый.

– Организм очень сильно истощен. Лекарство действует мягко и безболезненно. Я все параметры перепроверил, – ответил мужчина.

Я облизнула губы и попыталась сказать хоть что-то, но голос меня не слушался.

– Пить, – едва выговорила. Тяжелый распухший язык отказывался меня слушаться.

На пару секунд вокруг меня возникла тишина.

– Вот, – мою голову приподняли и стакан уперся в губы. – Пей, это восстанавливающий отвар.

Я согласно промычала и жадно принялась за напиток, отлично утоляющий жажду. Когда отвар в стакане закончился, мою голову снова опустили на подушку.

– Никогда не видела, чтобы ты с кем-то так возился, – хмыкнул женский голос.

Мой мозг пытался понять хоть что-то. Где я? Что вообще происходит? Кто рядом со мной?

– Ли́ра, ты меня помнишь? – Этот голос я совершенно точно уже где-то слышала. – Я Валерий Семенович Совушкин. Тебя привезли сюда на лечение.

Точно! Вспомнила. Папа вез меня в загадочное место, где меня могут вылечить, и мы... попали в аварию.

– Папа? – Прохрипела в панике.

– Блин, Валер, отойди, – судя по звуку, женщина отпихнула от меня мужчин. – Ли́ра, ваш отец жив. Он в сознании, мы его сейчас тоже лечим. Сердце у него ни к черту, но мы все восстановим.

О, господи! Папа жив. Рот у меня сам собой скривился, и я заплакала от облегчения.

– Тихо-тихо, – услышала я голос Валерия Семеновича. – Все хорошо. Вы живы, вас выечат, все будет замечательно. А теперь делаем глубокий вдох и успокаиваемся.

Я непроизвольно сделала этот вдох и действительно мне стало гораздо легче.

– Наверное, лучше снять повязку, – я почувствовала скольжение ткани по коже и поморщилась, так как даже сквозь веки глаза резанул яркий свет. Или это мне так казалось? – Теперь надо открыть глаза, – голос мужчины звучал куда тверже.

– Не хочу, – хныкнула.

– Макс, ты не видишь, что она боится? – Встряла в разговор женщина. – Так, Ли́ра, – я почувствовала, как она склонилась надо мной, – если тебе больно, то кивни. – Я помотала головой. – Если можешь открыть глаза, то можешь открыть один и чуть-чуть.

Я вздохнула и попробовала.

– У меня ресницы слипились, – прошептала и от неожиданности распахнула оба глаза, не обращая внимания ни на какой свет. – У меня ресницы... есть? – Выпалила.

Не то, чтобы их у меня совсем не было. Они у меня и до болезни не отличались длиной и пышностью, но после нескольких курсов химиотерапии и от того, что было, осталось одно название. Я скосила глаза к носу, любуясь переплетенными длинными волосинками.

– Лира, все хорошо. Так как Максим все время, что ты была без сознания, лечил тебя, то все функции организма стали работать нормально, – надо мной склонился Валерий Семенович.

Я перевела на него взгляд и улыбнулась. Выглядел он очень даже здоровым и умиротворенным. И зрячим.

– Привет, – глупо улыбнулась.

– Пфф, – раздалось рядом. Надо мной нависла девушка. Лицо Валерия тут же исчезло из зоны моей видимости. – Я к ней даже ревновать не могу, – вздохнула весьма симпатичная особа, с любопытством разглядывающая мое лицо. Я ее рассматривала с не меньшим интересом. Лицо умное, живое и какое-то решительное что ли. – Да, Макс, работы у тебя много будет.

– Клав, это не твое дело, – лицо девушки исчезло, и я увидела красивого юношу со странно окрашенными волосами и задумчивым выражением лица. Красивый ребенок. Я даже залюбовалась на секунду. – Так, Лира Андреевна, посмотрите на мою руку.

Я сфокусировала зрение на пальце, затянутом в белую медицинскую перчатку. Он поводил им у меня перед лицом.

– Макс, а ты ей сказал...? – Из-за его плеча снова выглянула девушка.

– Клав, забери своего... Валерия Семеновича и идите... проверьте с Алиской мавок, – рыкнул юноша.

– Макс! – Послышался шлепок. Кажется, мальчику с разноцветными волосами прилетел подзатыльник. – Совсем что ли?

– Не... не бейте его, – вступилась я.

– Клавдия, выйдите, пожалуйста! – Этот Максим возмущенно оглянулся и вскоре послышался звук закрывшейся двери. – Извините, – повернулся он ко мне.

– Ничего, – я облизнула губы. – Они хорошие.

Юноша скривился. Интересно, сколько ему лет? На вид не больше шестнадцати. Но врачами в восемнадцать не становятся, значит ему около двадцати пяти. Просто его мама видимо молодых яблочек во время беременности переела.

– Лира Андреевна, вы сильно пострадали при аварии, поэтому мне нужно вам кое-что сказать, – озадачил он меня. Я приготовилась слушать. – Мы не смогли спасти вашу руку, поэтому... у вас её нет.

Я замерла, прищурилась и с облегчением выдохнула.

– Какая рука пострадала? – Уточнила.

– Правая, – услышала в ответ.

– Слава Богу, – я с облегчением рассмеялась. Боже мой, да разве ж это проблема? Я до сих пор жива и дышу. Подумаешь, руки нет. Тем более, правой.

– Лира Андреевна..., – промямлил парень.

– Всё нормально, – выдавила я, задыхаясь от смеха. – Я левша.

Юноша задумчиво посмотрел сначала на меня, потом на мою правую руку, которую я действительно не ощущала.

– Левша, – вздохнул он. – Протез придется переделывать.

Я резко перестала смеяться. Мне тут помочь пытаются, а я ржу, как лошадь, недобитая никотином.

– Извините, – промямлила. – Наверное, это я от голода, – решила отчего-то и замерла, вдруг почувствовав, как я хочу есть. Голод действительно был дикий. В животе заурчало.

Максим перевел свой взгляд на одеяло, укрывавшее меня, и взялся за телефон.

– Марта Мироновна? Она проснулась и хочет есть. Нет, показатели в норме. Нет, Захар будет переделывать. Нет, она еще слаба. Хорошо, я подожду Антона, – он убрал телефон в карман халата и немигающим взглядом уставился на меня.

Мне же показалось, что он смотрит куда-то внутрь себя, как бы оценивая что-то. Я тут же почувствовала себя дико неловко.

– Вас зовут Максим? – Вырвался у меня идиотский вопрос.

– Да, – парень подозрительно прищурился и потрогал мой лоб. Наверное, решил, что я свихнулась на почве переживаний из-за отсутствия руки.

– Максим, а вы можете мне подробнее рассказать, как вы меня лечите? – Спросила я уже спокойнее.

Он удивленно вскинул брови.

– Ну, я ввел лекарство, которое восстанавливает ваш набор цепочек..., – он замолчал, затем вздохнул. – Лекарство замещает нездоровые элементы вашего организма на здоровые, – переформулировал он.

Интересно, но не очень познавательно.

– И рука отрастет? – Уточнила я. Ну, мало ли.

– Рука не отрастет, – обстоятельно ответил мне этот мальчишка. – Но мы уже готовим для вас высококачественный протез. Думаю, что через пару дней нам удастся его полностью доработать.

– Спасибо за ответы, – кивнула я и принялась думать.

Так, я сейчас нахожусь в этом самом загадочном Мае, про который говорил отец. Меня успешно лечат и даже делают протез. Папу тоже лечат. Интересно, сколько с нас возьмут денег за лечение? И протез тоже не бесплатный. Значит, нужно где-то найти деньги. Или отработать. Я хороший юрист, возможно я смогу как-то это применить на практике.

Задумавшись, я не сразу заметила вошедшего в палату парня, который принес маленькую фарфоровую супницу с крышкой и поставил её на стол, расположившийся у стены.

– Привет, тебе помочь? – Парень этот взрослым тоже не выглядел.

– Нет, я справлюсь, – Максим проводил гостя взглядом и перетащил супницу к моей кровати. – Еду принесли. Вам нужно поесть.

Я нахмурилась. А как я буду есть? Мне есть надо? Но я сама очень давно не садилась. Заметив мое замешательство, Максим вопросительно на меня посмотрел.

– Мне, наверное, нужно есть, – неуверенно сказала я.

Юноша кивнул и нажал что-то на кровати, верхняя часть которой медленно поползла вверх. Я с удивлением заметила, что не испытываю каких-либо проблем с тем, чтобы сидеть самостоятельно, опираясь спиной на поднявшуюся часть кровати. Так же я рассмотрела обе свои руки, безжизненно лежащие вдоль моего тела. Правая кисть была перемотана бинтами и пальцев я действительно не чувствовала. Поэтому пошевелила левой рукой. Та меня послушалась, но тоже неохотно.

– Наверное, придется разрабатывать. Вы слишком долго находились в неподвижном состоянии, – Максим подтянул к себе стул, взял небольшую супницу в руку, открыл ее и вынул из тумбочки... серебряную ложку. Я даже глазам своим не поверила, когда заметила известный логотип. В больницах такого шика не бывает просто.

Да, что-то я давно отвыкла, что меня с ложечки кормят. Да еще и так аккуратно. А самое главное, что меня не затошнило от такого весьма наваристого супа. Мне не стало плохо, не закружилась голова, и даже запах понравился. Действительно, давно я себя так хорошо не чувствовала.

Еще и мальчик этот меня рассматривал с неприкрытым интересом, заставляя меня чувствовать себя неловко. Наверное, ему интересна история моей болезни и способ ее излечения. Иначе зачем ему меня так рассматривать?

После обеда, где я смогла осилить почти половину этой небольшой супницы, Максим принялся рассматривать мою левую руку. Затем, он нашел в шкафу у стены какой-то крем, закатал рукав моей футболки и принялся разминать мою руку с этим кремом.

– Ай! – Это было больно.

– Придется немного потерпеть. Мышцам нужно дать питание и разогреть, чтобы они смогли функционировать, – поджал он губы.

– Это я понимаю, – кивнула. – Но менее больно мне от этого не становится.

Максим вдруг резко встал со стула и вышел из палаты, оставив меня с намазанной кремом рукой. Пока я пыталась сообразить, что это было, в палату вошла очень миленькая блондинка лет шестнадцати... с младенцем на руках. Это тут порядки такие, что ли?

– Заноси и поставь здесь, – распорядилась блондинка. Я увидела Максима, который занес в палату что-то вроде кувеза и поставил его у окна. – Здравствуйте, Лира. Меня зовут Алиса и я буду каждый день в это время разминать ваши мышцы, – представилась девица и положила спящего ребенка в кувез.

– Я – Лира, – заторможенно ответила, пытаясь переварить хоть что-то из увиденного. – А здесь взрослые есть? – Все же решила уточнить.

Девушка улыбнулась.

– Мы и есть взрослые. Поверьте, нам достаточно лет, чтобы заниматься лечением людей, – ласково сказала она, взяла с тумбочки крем и села на стул, рассматривая мою руку с тем же интересом, что и Максим ранее.

Я постаралась воспроизвести в голове все здесь увиденное. Валерий Семенович тоже стал выглядеть намного моложе, из его лица ушла изможденность и печать лет.

– Тогда вас здесь всех покусали вампиры, – сделала я вывод.

Но тут тоже что-то не сходилось. Вот же ребенок лежит, его явно родили не так уж и давно. А у вампиров вроде бы не бывает детей. Или я совсем плохо в них разбираюсь?

– Вампиров нам здесь только и не хватало, – проворчала девушка и принялась за мою руку. Больно, кстати, не было. – Максим, выйди минут на двадцать, – попросила она.

Парень недовольно фыркнул, но из палаты вышел. Алиса тут же занялась мной вплотную, принявшись крутить, вертеть и сгибать суставы так, как я их никогда в жизни не сгибала.

– А теперь переворачиваемся, – я даже и не подозревала, сколько силы в этой девушке. Я себя даже пушинкой в какой-то момент почувствовала. – Да, работы еще много, но за месяц мы вас точно восстановим.

Я тихонечко лежала на кровати и растекалась в состоянии желе. Очуметь! Это что за доктора такие? Хотя, если я приду в норму после таких нагрузок, то это все оправданно. Наверное, завтра будет легче. Уснула я буквально через пять минут после того, как меня укрыли одеялом. Устала.

На следующий день мне легче не стало. Наоборот, все тело ломило от тянущей боли в мышцах. Я даже не обратила внимания на подошедшего ко мне Максима, который приложил ладонь к моему лбу, что-то едва слышно прошепел и вышел из палаты. Вернулся со шприцем в руке.

– У вас температура, – объявил он мне, прежде чем сделать укол.

– Из-за чего? – Спросила я сквозь стиснутые зубы.

– Из-за чрезмерной активности, которую вчера устроила Алиса, – недовольно надул он губы и стал похож на маленького обиженного ребенка. – С сегодняшнего дня я сам буду этим заниматься.

– Нет, – вскинулась я, когда до меня дошел смысл сказанных им слов. Я же лежу тут в одной безразмерной белой футболке. Мне элементарно будет неловко, если меня в таком виде увидит этот юноша. – Пусть лучше Алиса.

– Почему? – Озадаченно спросил он.

– Она меня жалеть не будет, – быстро нашла я повод. Мне же вчера не показалось, что он не хочет причинять мне боль?

И Алиса меня не пожалела. Вот только теперь было больно еще сильнее, но я почему-то неимоверно радовалась этому. Наверное, потому, что эта девушка совершенно не боялась,

что я неожиданно здесь и сейчас умру, как боялись все врачи, встречавшиеся на моем пути до этого. Да и боль быстро проходила, принося какую-то ненормальную радость.

– Ну вот. Мазь поможет твоим мышцам быстрее начать работу. Скоро ты у нас бегать будешь, – улыбнувшись, сообщила она.

Я скривилась.

– Я уже и забыла, что это такое. Мне бы хоть на ноги встать и пару шагов сделать. Я ведь даже пока сидеть сама нормально не могу, – вздохнула устало.

– Тело слишком ослабло за время бездействия. Сейчас ему надо дать понять, как возвращаться здоровое состояние, – Алиса убрала мазь в шкаф и посмотрела в окно. – Смотри, какой солнечный сегодня день. Не хочешь прогуляться?

Я? Прогуляться? Это как?

Оказалось, что все просто. Алиса притащила откуда-то весьма удобное инвалидное кресло и пересадила меня в него.

– Держись? – Уточнила она.

Да, свое тело я теперь держала сама, без удерживающих ремней. Кивнув, положила на подлокотники руки: левую нормальную и правую... культяпку. Девушка укрыла меня одеялом и подоткнула его, закрывая меня со всех сторон.

– Можно ехать, – скомандовала я.

Алиса засмеялась и на огромной скорости выкатила меня в коридор, где мы едва не сбили с ног Максима.

– Куда ты ее повезла? – Тут же взвился юноша.

– Как куда? Погулять. Ты видел, какая замечательная погода на улице? Георгий с детьми сегодня у озера весь день, – девушка снова засмеялась.

– Я сам ее повезу, – нахмурился парень.

– Зачем? – Алиса остановила коляску со мной. – Я все равно на озеро иду.

– А обратно её кто покатит? – Максим небрежно указал на меня. – Ты же с Георгием и детьми останешься.

Девушка громко фыркнула, но почему-то решила согласиться.

– Ну, ладно. Но из одеяла ее не доставай. Не дай Дый простудится, – пожала плечами девушка и отпустила ручки кресла, за которые тут же взялся Максим. – А чего это ты вообще из своей лаборатории вышел? Ты же обычно вообще никогда не гуляешь. На улице всегда появляешься только ради работы, – она покосилась на Максима, который катил меня по пандусу.

– Это научный эксперимент, – проворчал он недовольно.

– Снова? – Алиса резко остановилась и теперь внимательно посмотрела на меня, наверное, ожидая, что у меня ослиные уши вырастут. – Тебе же нельзя ничем таким больше заниматься, – с укоризной сказала она.

– Вера Родионовна не против, – спокойно ответил ей парень и покатил меня по деревянному настилу.

Я же изо всех сил вертела головой во все стороны. Оказывается, что больница, где меня лечили была практически вмонтирована в гору. А все вокруг было закрыто деревянным настилом, а еще тут стоял вертолет. Небольшой, но совершенно настоящий. Чуть поодаль стояли одноэтажные деревянные дома, которые неимоверно гармонично вписывались в пейзаж. За домами виднелась водная гладь, за которой снова была гора.

У меня из глаз непроизвольно побежали слезы. Хотела же в красивое место. Куда уж красивее этого?

– Лира, ты чего? – Алиса взглядом велела Максиму остановиться и заглянула мне в лицо.

– Ничего, – я шмыгнула носом и помотала головой. – Тут так красиво!

Девушка понимающе улыбнулась.

– Это да. Мне тоже здесь очень нравится. Мы с Герой живем на берегу озера, там здорово. Подожди, мы сейчас за выступ пройдем, и ты город увидишь. Он тоже замечательный, – махнула она на кусок скалы, закрывающий все по правую руку от нас.

И правда, едва мы вышли на открытое пространство, как я увидела город Май во всей его красе. Не знаю, как простым смертным удалось так вписать человеческую жизнь в природу, но все это выглядело какой-то квинтэссенцией гармонии.

– Я бы смогла прожить тут всю жизнь, – отчего-то решила.

Глава 4

Максим

Я смотрел на эту женщину и понять не мог, что со мной не так. Обычная пациентка, такая же, какой была, например, Марта Мироновна. Но конкретно Лиру хотелось вылечить так, чтобы и шрамика ни одного не осталось. Сделать идеально. Но идеально уже не получится, не могу же я ей новую руку вырастить. А вот сделать.... Захар обещал сегодня вечером привезти получившийся прототип кисти. Наверное, его можно будет потом усовершенствовать и улучшить до состояния нормальной кожи. Но вживлять все равно придется через операцию. Или просто пока соорудить накладку? Как же будет лучше?

Именно с этими мыслями я и вез Лиру к озеру, и когда она сказала, что хотела бы тут жить, то меня как обухом по голове ударило. Я понял, почему я о ней так пекусь. Я воровато покосился на Алису, которая тоже рассматривала раскинувшийся в долине Май и чуть наклонился, втягивая носом воздух около головы женщины. Она почти ничем не пахла. Только лекарствами, которые я вводил в нее. И все. Ничего уникального. Наверное. Но по моим внутренним ощущениям она меня совершенно не раздражала. Почти как Вера Родионовна. Но, если жена Хозяина все-таки вызывала во мне некоторый внутренний дискомфорт, то Лира же совершенно естественно дополняла обычный фон вокруг меня, как будто она была частью меня. Как такое было возможно?

– Макс, с тобой все хорошо? – Услышал я голос Алисы и вскинул голову.

– Да, – нахмурился. – А что?

– Я тебя уже три раза позвала. Идем к озеру, – махнула она в сторону дорожки, ведущей вниз.

Я послушно покатил коляску, прислушиваясь к себе. Алиса же рассказывала Лире некоторые особенности нашего климата и быта, разумеется, умалчивая о том, о чем ей знать пока не положено. Но это все будет решено, если она останется здесь жить, ей придется подписать бумаги о неразглашении и столкнуться с другой стороной нашей жизни.

– Макс, вот ты где, – мы уже почти дошли до пляжа, как нас догнала Клавдия. – Идем, нам надо поговорить.

– Я занят.

Вот что за жизнь? Хоть из лаборатории не выходи.

– Вообще-то, это тебя тоже касается, – нахмурилась Клавка, отчего-то ошивающаяся в Мае, подмигнула Алисе и, прихватив меня за локоть, потащила в сторону.

Я, нахмурившись, следил за тем, как Алиса увозит коляску.

– Ну, чего ты хотела? – Недовольно спросил.

– Да тут Дамирка организывает в Мае бал чего-то там, не помню чего. Она очень просила тебя прийти, – Клавдия нетерпеливо потопталась на месте.

– И ты ради такой ерунды меня сейчас выцепила? – Вскинул я брови. – Передай Дамире Алмазовне, что я не пойду.

– Ты чего такой злой? – Сделала она большие глаза. – Влюбился что ли? Вообще-то Дамира тебе девушку хочет найти....

– Влюбился, – перебил я ее и шагнул в сторону, чтобы обойти, так как Алиса с Лирой исчезли из поля моего зрения.

– Стой! – Она снова заступила мне дорогу. – В самом деле? Влюбился? В эту страшненькую Лиру что ли?

Клавка едва успела присесть, как над ее головой просвистели медицинские ножницы, до сих пор покоившиеся у меня в кармане.

– Она не страшненькая, – процедил сквозь зубы.

– Ты сдурел что ли? – Заорала на меня Клавка и поднялась на ноги. – Убить меня решил? Если влюбился, то заранее надо было сказать, а не швыряться опасными предметами! Псих ненормальный, – покачала она головой и избавила меня от своего общества. – Истеричка, блин, – слышалось ворчанье за моей спиной, когда я вынимал ножницы из дерева. Те были безнадежно погнуты.

Сложив испорченный инструмент в карман, я поспешил к озеру. Мало ли что там может с Лирой случиться.

Но ничего не случилось, Алиса стояла рядом с коляской и разговаривала с Георгием, Лира же сидела, подставив лицо лучам солнца, и излучала полное удовлетворение данным фактом. Я просто подошел и встал рядом с ней. Алиса с мужем тактично отошли от нас и занялись детьми.

– Мне показалось, что Клавдия кричала, – Лира приоткрыла один глаз, посмотрела на меня и снова подняла лицо к солнцу.

– У неё это иногда бывает, – кивнул я.

Женщина чуть улыбнулась.

– Вы похожи на расставшихся бывших....

– Нет, – резко прервал я ее. – Мы никогда друг другу не нравились в этом плане. Клавдия – очень хороший друг.

Лира только кивнула и вдруг резко распахнула глаза.

– Кто это? – Уставилась она на озеро.

Я прищурился. Одна из мавок выставила голову над поверхностью озера и, склонив голову, наблюдала за нами. Я едва не застонал от досады. Вся наша секретность только что пошла коту под хвост.

– Никто. Это галлюцинация, – ляпнул первое, что пришло в голову.

– Да? – Кажется она мне не поверила.

– Да. Такое бывает от лекарств, – сделал я страшные глаза, пытаюсь намекнуть мавке, чтобы та испарилась из вида.

– А почему вы смотрите туда же, куда и я? – Хмыкнула эта наблюдательная женщина.

– Мам, смотри, мавка у этого берега тоже живет, – громко закричал Адам, подбегая к Алисе.

Алиса тут же посмотрела на озеро, потом на нас. Так бездарно хранение секретов мы еще никогда не проваливали.

– Вам придется подписать документ о неразглашении, – вздохнул, коря себя за идиотизм. Ни я, ни Алиса не подумали о последствиях обычной прогулки по берегу озера. Тьфу!

– И все? – Удивилась Лира.

– А что еще? Подписавшему этот договор всегда и всюду придется молчать об увиденном в Мае и Березкино до конца жизни, – я не понял, чему она удивилась.

– То есть, к договору нет пояснений, дополнительных соглашений, и тому подобного юридического сопровождения? – Уточнила она вопрос.

– Нет, – осторожно ответил я. – А должны быть?

– А как же, – улыбнулась она и снова закрыла глаза, подставив лицо солнечному свету. – В наше время все можно оспорить, поэтому такие документы просто необходимо дополнительно изучить.

– Угу, – пришлось согласиться мне, потому что в таких вещах я вообще не разбирался.

Через полчаса, Лира начала уставать. И хоть она и крепилась, пытаясь казаться сильной, но я-то видел, как ей было тяжело сидеть дальше. Поэтому, помахав Алисе, я покатил коляску со своей пациенткой в сторону лаборатории.

– Красивое здание, – отметила она, рассмотрев мою новую лабораторию.

Эх, если бы не цена этого здания, я бы тоже ему радовался. А так... для этого пришлось разрушить мой любимый старый ангар, чтобы выстроить что-то более функциональное и современное.

– Макс, вот ты где, – внутрь мы войти не успели, потому что нас нагнал Градов, который тащил в руках какую-то коробку. – Клавка сказала к тебе сегодня не подходить, но Захар отправил тебе какую-то важную разработку, а потому меня пригнали сюда. Ой, здравствуйте, – заметил он Лиру.

– Здравствуй, – кивнула та. – Вы тоже очень молодо выглядите. Наверное, в этом так же есть некая неразгаданная тайна, – решила женщина.

– Конечно есть, – обрадовался Аким. – Кровь оборотня и не такие чудеса творит.

Ножницы использовать я не стал, но подзатыльник Градову прилетел знатный.

– Ты – дурак? – Прищурился я.

– Почему меня все бьют? – Пожаловался этот идиот. – У меня, между прочим, руки заняты коробкой. Я эту посылку тащил через полгорода.

– На машине, – проворчал я, закатывая коляску в палату.

– И что? За это меня бить надо? Сначала Клавка, теперь ты, – театрально вздохнул он.

– Да-а, – протянула Лира. – Бедный-бедный оборотень. Или ты вампир?

– Вампиров нам тут еще не хватало, – вздохнул Градов. – А вы хотите о них поговорить? Я с удовольствием вас послушаю. И сам могу внести несколько....

– Аким, поставь коробку на стол и иди отсюда, – велел я, отчего оборотень грохнул коробку на стол и вылетел из палаты.

Я же переложил Лиру на кровать и удостоверился, что ей комфортно.

– Зачем вы так с этим ребенком? Он же просто не хочет, чтобы его били, – устало спросила она.

– Потому что он не ребенок. А если бы у нас в пациентах был кто-то другой? Тот, кто не видел мавок на озере, – я принялся распечатывать коробку.

– А мне его жалко, – вяло улыбнулась она.

Увидев образец, я нахмурился. Рядом лежала записка от Захара и флешка с программой для активации. Блин, мне надо с этим идти к компьютеру на втором этаже, чтобы проверить работу руки, потому что подключить ее можно только там.

– Кстати, забыл сказать, – Градов без стука вошел в палату, – что меня Дамирка со своими средневековыми танцами уже достала.

– Не Дамирка, а Дамира Алмазовна, – поправил я его и задумчиво посмотрел на коробку. – Слушай, у тебя есть полчаса времени? – Поднял я голову.

– Зачем? – Аким сложил руки на груди.

– Присмотришь за Лирой Андреевной, пока я буду занят, – я посмотрел на весьма бледную уставшую пациентку. Мало ли что с ней может случиться за эти полчаса. Аким, хоть и дурак, но за человеком присмотреть может.

– Ой, это всегда пожалуйста. Между прочим, Лира Андреевна – весьма приятная женщина, – хохотнул Градов.

Я подхватил коробку и вышел за дверь. Надо бы поторопиться. Забежал на второй этаж по лестнице, зашел в нужную комнату и достал получившуюся у Захара искусственную кисть из коробки. На то, чтобы все загрузить, у меня ушло минут двадцать. Много, громоздко, да и сама кисть весила как-то уж тяжеловато. Я же ему отправлял параметры.

Я снова сложил все в коробку, написал длинную записку, где указал все размеры еще раз, и запаковал ее. Так с посылкой я и вернулся в палату к пациентке. У меня чуть коробка из рук не выпала, когда я увидел, что происходило в помещении.

Градов щеголял по палате своей мохнатой задницей, а его одежда валялась рядом. Лира при этом бессильно хохотала, уткнувшись лицом в одеяло.

– Что здесь происходит? – Коробку до стола я все-таки донес. – Аким, ты оборзел? Градов тут же сделал тупую морду и спрятался за кровать пациентки.

– Он... он очень умная собака, – похихикивая сказала женщина.

Я взял стакан воды и заставил ее выпить его, чтобы она пришла в себя.

– Что тут произошло? – Строго посмотрел на Градова. – Почему ты в таком виде? Ты тут голый щеголял что ли? – Мой голос едва не сорвался на крик.

– Нет-нет, – ответила мне вместо оборотня Лира. – Аким сказал мне закрыть глаза, а сам превратился в собаку. Так что голым он тут не ходил. По крайней мере, я этого не видела.

Это спасло Градова от моего желания наябедничать на него Хозяину. Тот быстро бы свернул эту тощую оборотничью шею.

– Зачем вообще надо было демонстрировать это? – Скрипнул я зубами.

– Просто, я не верила, что он настоящий оборотень, а мальчик решил мне это доказать, – моя пациентка явно решила заступиться за безмозглое животное.

Я вздохнул и попытался прийти в себя.

– Так, Аким. Сейчас ты выметаешься за дверь, приводишь себя в порядок, после чего забираешь эту коробку и отвозишь её Захару. Ты меня понял? – Прищурился я.

Пёс совершенно не по-собачьи вздохнул, отошел от кровати женщины, подхватил зубами брошенную на полу одежду и вынес ее за дверь. Через секунду вернулся и забрал обувь. Полностью одетым он предстал перед нами минуты через две.

– Клавка права, ты злой какой-то стал, – проворчал Аким, забирая у меня коробку.

– Она права и в том, что ты не стал умнее, – напомнил я ему.

– Вот и делай добро людям, – вздохнул этот нелюдь, кивнул Лире и буквально вылетел из палаты.

Я вздохнул и набрал сообщение Марте Мироновне, чтобы спросить про состояние отца моей пациентки. У него состояние улучшалось с каждым часом. Наверное, завтра стоит разрешить ему увидеться с Лирой, так как он отказывался выходить из палаты, пока не увидит дочь. Крайне несговорчивый и скандальный гражданин оказался. Хорошо, что с ним напрямую работает Вера Родионовна, которая умеет находить язык с такими людьми.

Я поднял голову, чтобы спросить Лиру про самочувствие, но заметил, что она уже спит. Подойдя к кровати, я поправил сползшее набок одеяло и, не удержавшись, погладил ее по впалой щеке. Ничего, скоро организм ее восстановится, и кожа будет сиять здоровьем. Глаза приобретут блеск, отрастут волосы.

Поколебавшись, я склонился над ней и снял с головы шапочку. Под ней уже был виден пушок пшеничного цвета волос, которые совсем скоро начнут расти в полную силу. Она поправится. И мне надо будет сделать все, чтобы она осталась в Мае. Хозяин никогда меня не выпустит отсюда, да я и сам не хочу уезжать. Это мой дом. Но, что мне здесь делать, если Лире тут не понравится?

Я на секунду прижался носом к её коже. Она все так же пахла лекарствами. Почему она не пахнет для меня чем-то другим? Ведь мы, мутанты, тоже чувствуем запахи своих вторых половинок. Вон, и Хозяин свою Веру Родионовну чувствует. И Антон Марту Мироновну. Это я еще молчу про Стаса с Аллой, у этих-то все совсем плохо с привязанностью друг к другу. Не знаю пока, что со мной не так, но надо с этим разобраться. А пока придется позвонить Вере Родионовне и признаться в том, что со мной случилось за последние дни. Пусть будет в курсе. Это убережет меня от тех же проблем, что были у Клавки с ее Валерием Семеновичем.

Глава 5

Лири

Наверное, на прогулку я выбралась слишком рано, потому что на следующее утро все мое тело ломило от усталости. Для меня не было странным, что тело ломит в то время, когда я лежу, а то, что надо мной так трясется Максим в попытках привести меня в порядок.

– Да все нормально. Мне просто нужно время, – проговорила я заплетающимся языком. – Не умру же я сегодня.

Рядом раздался раздражённый выдох.

– Температуры быть не должно. Почему она до сих пор поднимается? – Максим нервно что-то проверял на мониторе. Я же тихонечко свернулась калачиком на кровати и закрыла глаза, проваливаясь в дрему.

– Почему сразу не позвал? Температуры быть не должно, – я проснулась от голоса Алисы.

– Я же говорил, что физические нагрузки ей еще противопоказаны, – парень тоже стоял рядом.

– Это не из-за нагрузок. Это что-то психологическое, – девушка рассматривала что-то на листе бумаги. – У нее все показания в норме.

– Тогда почему она до сих пор болеет?!? – Рыкнул Максим так неожиданно, что я полностью распахнула глаза.

– Я же говорил, что ей нужны положительные эмоции, – фыркнул откуда-то от двери Аким.

Я сделала глубокий вдох.

– Со мной все нормально, – язык до сих пор заплетался, а сознание никак не могло собраться с мыслями.

– Хорошее настроение вылечит кого угодно, – вновь сказал Аким, а я почувствовала укол.

– Сейчас я возьму немного крови и тщательно ее исследую, – Алиса быстренько выкачала из меня пробирку крови.

– Я же проверил все, что мог, – насупился Максим, нависший надо мной.

– Макс, при всем моем уважении, ты ни черта не понимаешь в современных препаратах, хотя, как химик, ты гениален, а как биоинженер просто незаменим. Но ты все-таки не врач, – с этими словами девушка вышла из палаты.

– Я правда чувствую себя гораздо лучше, чем весь последний год, – попыталась я объяснить все Максиму, но он продолжил хмуриться.

– Мне кажется, что животное ее лучше развлечет, – Аким снова сделал попытку вмешаться.

– Так, блохастый, ты у меня сейчас договоришь, – внезапно разозлился Максим и зло посмотрел на паренька. – Сходи лучше за её отцом. Вдруг это как-то поможет.

– Ну и ладно, – Градов громко хлопнул дверью.

– Аким обиделся, – прикрыв глаза, констатировала я.

– Переживет, – пожал плечами Максим и вернулся ко мне. – Думаю, что тебе станет легче, когда ты увидишь отца.

– Скорее, это ему станет легче. Он привык..., что я вечно где-то рядом ошиваюсь, – поморщилась я. – Он меня вообще надолго никуда не отпускал.

Юноша напрягся.

– В каком смысле? – Он вновь навис надо мной.

Мне пришлось открыть глаза.

– Ну, он всегда старался увидеться со мной хотя бы каждые три дня. И всегда был на связи, просил, чтобы я звонила ему каждый день, – призналась нехотя. Папа всегда слиш-

ком сильно опекал меня, всегда боялся, что я могу куда-нибудь вляпаться, а потом всю жизнь жалеть об этом. В итоге, мне пришлось жалеть о том, что не вляпалась. – Думаю, что так ведут себя все родители, – попыталась оправдать его.

Максим покачал головой.

– Не все. Далеко не все, – он бросил быстрый взгляд на закрытую дверь. – Марта Мионовна говорит, что нормальные родители должны позволять детям ошибаться. И я склонен ей верить в этом вопросе.

– Наверное, у меня в наличии синдром отличницы, – грустно улыбнулась я. – Ошибаться мне жутко не нравится, потому я, наверное, и пошла в юристы. Да и папе моя профессия очень даже понравилась.

– Это-то как раз неудивительно, – Максим был явно не в духе и все время смотрел на дверь. Что он там увидеть хочет? – Идут, – вдруг сказал он и встал так, чтобы закрыть меня от глаз посетителей.

Я и сама уже услышала папин голос.

– Куда ты меня тащишь? Я и сам могу идти. Да отпусти ты! – Возмущался он, но, кажется, впервые в жизни его никто не слушался. Дверь открылась, и Аким буквально впихнул отца в мою палату. – Куда ты меня притащил?

– Вы же хотели видеть свою дочь, – Градов закрыл дверь и отпустил папу. – Вот я вас к ней и привел.

Максим сделал шаг в сторону, чтобы папа увидел меня. Я выдавила из себя вымученную улыбку.

– Это не моя дочь, – заявил отец, рассмотрев меня, и повернулся, чтобы уйти.

– Приплыли, – Аким сложил руки на груди.

– Лира, ты только не нервничай, – Максим снова закрыл меня собой.

– Папа? – Позвала я, пытаюсь осознать тот факт, что родитель меня просто не узнал. – Пап, это же я, твоя Пчелка.

Отец, услышав мое прозвище, резко повернулся и снова стал рассматривать меня, так как Максим все же отошел к окну.

– Лира? – Недоверчиво переспросил он.

– Не узнал меня, – теперь вместо улыбки вышла усмешка. Не могла же я за неделю начать выглядеть еще более страшно. Хотя, всякое может быть. Мне бы зеркало найти.

– Да как же тебя узнать-то? – Он сделал робкий шаг вперед. – Но это просто невозможно! – Он остановился и посмотрел на Максима.

– Мы восстанавливаем все функции организма, поэтому у вашей дочери сейчас такой вид, – невозмутимо сказал тот.

– Все функции? – Отец почему-то пошатнулся и побледнел.

– Все, – Максим покосился на меня, но быстро вернул взгляд на папу.

– Макс, сворачиваем лечение, – в палату буквально вбежала Алиса с папкой листов в руках. Она резко остановилась при виде посетителя и обернулась, посмотрев на Акима. – Не выпускай пока никого из палаты. Я кое-что нашла.

– Что случилось? – Парни сразу собрались и стали выглядеть серьезными.

Но Алиса их уже не слушала. Она повернулась к моему отцу и перелистнула страницу, бросив на меня задумчивый взгляд.

– Какой конкретно препарат вы давали своей дочери на протяжении около двадцати лет? Возможно, срок несколько больше, – растерянно добавила она.

– Что-о? – Максим отошел от меня на пару шагов. – Препарат?

– Да, – кивнула Алиса. – Я нашла в её крови одно вещество, которое содержится в некоторых препаратах, которые совершенно бесполезны при излечении рака. Но ей явно что-то давали или в больших дозах или...

– На протяжении долгого времени, что возымело накопительный эффект и вызвало саму болезнь, – прикрыв глаза ладонью закончил парень.

– Твою баб Раду, – выругался Аким и тоже шагнул к моему отцу.

До меня же пока медленно доходила вся суть ситуации, а когда дошла, то я не поверила в собственные выводы, если честно.

– Папа? – Требовательно спросила я.

Отец стоял посреди палаты опустив голову. На меня он не смотрел. Лишь бормотал:

– Это не моя дочь. Не моя. Что вы с ней сделали? Не моя дочь. Куда вы дели мою дочь? – Мне стало совсем не по себе.

– Так какой препарат вы ей давали? – Алиса, казалось, не обратила на его странное поведение никакого внимания.

– Говори! – С угрозой надавил на него Аким.

Я устало откинулась на подушку, не желая слышать свой собственный приговор. Отец же просто не мог так со мной поступить. Не мог же?

– Ясно, – Алиса что-то записывала на бумаге. Видимо, отец все же сказал название препарата. – И сколько лет вы его давали Лире?

– Двадцать шесть лет, – отец все так же смотрел в пол.

Девушка кивнула и посмотрела на Градова.

– Аким, уведи его в палату и вызови Веру Родионовну. Нам надо решить, что с ним делать дальше, – велела она парню. Тот тут же взял отца под локоть и вывел из палаты.

– А теперь объясни мне, что это за препарат и зачем он так долго давал его Лире, зная, что это опасно, – потребовал Максим от девушки.

Что ж, мне тоже было интересно это послушать.

– Это – противозачаточное средство, весьма устаревшее. Его больше одного года без перерыва категорически не рекомендуется принимать, – Алиса все еще что-то расписывала на бумаге.

– Быть этого не может, – я собрала все свои силы и приподнялась на локтях. К моему удивлению, мне удалось это довольно легко сделать. – Зачем папе давать мне такой препарат, если я все равно не могу иметь детей?

Девушка перестала писать, бросила папку на стол и подошла ко мне. Поправив на мне шапочку, она грустно усмехнулась.

– Скорее всего, ты не можешь иметь детей из-за постоянного приема этого препарата. Твоему отцу зачем-то нужно было, чтобы ты не могла забеременеть, – пояснила она.

У меня в голове данный факт никак не укладывался. Даже озноб прошел и сознание на место встало.

– Зачем ему это? – Я не очень-то понимала мотивацию отца. – Я и так не очень красивая всегда была. Шанс забеременеть у меня всегда был минимальным.

Алиса села на край моей кровати.

– Максим, принеси сюда зеркало, пожалуйста, – велела она. Когда парень после некоторого колебания вышел из палаты, девушка нашла мою покалеченную руку и ободряюще погладила меня по ней. – Препарат, который давал тебе отец, являлся гормональным. Весь твой внешний вид с подросткового возраста строился с этим учетом. А если учесть, что некоторые компоненты отравляли тебя несколько десятилетий, то ты... еще неплохо сохранилась. – Я чуть не заплакала из-за навалившейся на меня реальности. Ведь такого просто не бывает. Не может быть! – Иногда самые близкие люди приносят нам больше всего боли, – Алиса вздохнула. – Просто надо смириться с этим и все. А мы с Максом будем тебя лечить и восстанавливать твоё здоровье. Для начала нам нужно будет вывести из тебя всю эту накопившуюся гадость, так что полежишь пока под капельницами.

– Уж что-что, а лежать я привыкла, – фыркнула в ответ и отвлеклась на открывшуюся дверь.

Максим принес большое зеркало и поставил его на край кровати так, чтобы я смогла рассмотреть себя во всей красе. Но как бы я не всматривалась в отражение, узнать себя могла с трудом. Даже после химиотерапии и моего экстренного похудения мои маленькие от природы глаза никогда не казались такими огромными и глубокими. И привычный нос картошкой вдруг оказался аккуратным и задорно вздернутым. Излишне пухлых щек у меня давно не было, но теперь массивный подбородок казался более острым и менее тяжелым. Из-под шапочки на голове стали пробиваться мелкие светлые волоски.

– Это не я, – констатировала, глядя в зеркало.

Алиса с Максимом переглянулись.

– Это ты. Просто отеки сошли и организм стал приспосабливаться к жизни... без того яда, который в него поступал, – пояснила девушка.

Я вздохнула и снова посмотрела на отражение.

– Нет, это не я, – решила окончательно. – Эта женщина в зеркале выглядит лет на десять моложе меня. Что вы со мной сделали?

Максим убрал зеркало к стене, а Алиса только головой покачала.

– Лира, весь твой внешний вид ранее обуславливался неправильной работой гормонов, а потом еще и болезнь наложилась. Сейчас все становится на круги своя и ты начинаешь выглядеть так, как в тебя заложено природой, – попыталась она убедить меня в реальности происходящего. – Твоего отца мы допросим и узнаем, что он еще тебе давал и ради чего это делал. Ах, да! Документы о неразглашении он уже подписал, – она снова потрепала меня по руке, встала с моей кровати и вышла из палаты.

Я же молча смотрела на то, как Максим задумчиво подбирает папку со стола и читает написанное там, мрачней с каждой минутой.

– Все плохо? – Спросила с опаской. Мало ли что там понаписано страшного.

– Придется ставить капельницы. Очень много капельниц. Никуда не уходи, – бросил он и вышел из палаты, оставив меня наедине со своими мыслями.

Так как ходить я еще не могла, то устала в потолок, размышляя над тем, что только что произошло. Зачем же отцу нужно было такое вытворять? Как я буду с ним дальше общаться после этого? Кстати, выглядел он весьма неплохо. Видимо, здоровье ему здесь все же подлатили.

Макс вернулся через десять минут с какой-то корзинкой в руках. Открыл шкаф, одно отделение которого оказалось холодильником и принялся туда выкладывать принесенное. Молча. Я вообще заметила, что он не сильно разговорчивый и постоянно сосредоточенный на том, что делает.

– А почему в других больницах у меня не нашли остатки этого препарата? – Назрел у меня вопрос.

Максим закрыл холодильник и с пакетом в руке подошел к кровати, где принялся устанавливать его на стойку.

– Скорее всего, у врачей не было такой задачи. Они лечили болезнь, а не искали ее источник, – пожал он плечами. – Или они все знали, но молчали по какой-то причине.

А я вдруг вспомнила одну вещь.

– Отец никогда надолго не оставлял меня в одной больнице. Как только мне становилось лучше, он перевозил меня в другую клинику, – проговорила я задумчиво.

Максим замер на секунду, потом все же продолжил установку капельницы.

– Что ж, наверное, действительно без Веры Родионовны нам сейчас не обойтись, – задумчиво ответил он. – Что еще тебе кажется сейчас странным в его поведении? Может быть, он вел себя как-то ненормально?

Я задумалась. А что я вообще знаю о нормальности? Что теперь считать нормой, если все, что я раньше считала своей жизнью оказалось просто иллюзией и обманом?

– Ну, он всегда проверял тех, кто проявлял ко мне внимание. Даже, когда я уехала от него в свою квартиру, он каким-то образом узнавал о том, что в моей жизни появился мужчина и..., – я замялась, подбирая слова.

– Он быстро избавлялся от него? – Подсказал парень, покрутив колесико на трубке, чтобы в мою вену хлынул очищающий раствор.

– Ну, да, – я смутилась от того, что все это было так очевидно. – Просто он всегда знал, как надавить на человека, что бы тот... начал меня ненавидеть.

– Тебя невозможно ненавидеть, – Максим покачал головой. – Это не твоя вина...

– Тогда почему он так поступил? – Спросила я того, кто вообще-то просто не мог знать ответ на этот вопрос.

– Это мы скоро узнаем, – пожал он плечами и нацепил мне на палец прищепку, которая считывала мои показатели.

Что-то еще он сказать мне просто не успел, потому что дверь открылась и в палату вошла рослая девушка. Не сказать, чтобы красавица и прочее. Нет. Скорее очень волевая, уверенная и спокойная. Казалось, что исходящая от нее аура власти и порядка заставляет все в этой жизни идти так, как надо. За ее спиной был мужчина, каких я в жизни ни разу не видела. Несмотря на то, что он был альбиносом, в палате как будто стало намного темнее от его прихода.

– Здравствуйте, – пропела женщина. – Меня зовут Вера Родионовна. Это Николай Николаевич – мой муж и глава Мая, – указала она на мужчину. – Алиса мне рассказала, что у вас тут происходит. И прежде, чем начать разговор, я прошу вас подписать эти документы, – она подошла к кровати и положила бумаги мне на одеяло.

Я кивнула и здоровой рукой взяла бумаги. Быстренько пробежала глазами основные пункты и посмотрела на посетительницу.

– Я не могу это подписать. С юридической точки зрения этот документ не имеет силы, потому что устарела сама концепция оформления данной бумаги, – пояснила.

То ли от начавшей работать капельницы, то ли от всего произошедшего сегодня утром, я чувствовала себя сейчас намного лучше.

– Пока нас устроит подпись в этом документе, а потом мы поговорим о нюансах, – отмахнулась эта девица. Ее муж шагнул поближе к нам и принялся беззастенчиво меня разглядывать. Мне даже не по себе стало. Я подмахнула бумаги и отдала их девушке. – Вот и отлично. А теперь мы с Коленькой зададим тебе несколько вопросов, – она посмотрела на мужа.

Я же отметила то, что Максим откровенно боится этого «Коленьку». Но от моей кровати он не отошел ни на шаг. Просто как-то весь сжался.

– Она меня не боится, – констатировал муж Веры Родионовны.

– Хм, – девушка посмотрела на меня с еще большим интересом. – Лира, вы не боитесь Николая?

– А должна? – Нахмурилась я, не понимая в чем дело.

– Занятно, – протянул мужчина. – Наверное, стоит изучить этот вопрос детальнее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.